

Борис Левин. «Избраниое». Советский писатель. М. 1946.

Есть книги, которые с первых же строк заставляют нас почувствовать не только власть и силу литературного мастерства, но искреннее, живое тепло непосредственно человеческого обаяния, свойственного художнику. Автор сразу становится другом и собеседником читателя.

Непринужденность этого общения, щедрость, с которой писатель делится своим душевным и творческим богатством с читателем, умение бегло, как бы на ходу, и вместе с тем проникновенно и умно коснуться самого главного и самого затаенного в жизни человека, в его отношениях к себе, к эпохе, к людям, его окружающим, — таковы отличительные особенности прозы Бориса Левина, талантливого писателя, героически погибшего в дни финской войны.

Самое своеобразное в творческом облике Бориса Левина — это сочетание мягкой акварельной манеры письма, естественного метафорического богатства, обилия сравнений с большой целеустремленностью, принципиальностью, мужественным и острым разрешением задач своей эпохи, своей страны, своей партии.

О писателе Борисе Левине хочется сказать словами, характеризующими Нину, героиню его повести «Юноша»: «Нина не часто говорила с Владыкиным на отвлеченные, философские темы, но незаметно для него и для самой себя в простом, даже бытовом разговоре она раскрывала в обычновенных явлениях гораздо больше сложности и глубины, чем он замечал сам».

Так Борис Левин разговаривает о жизни с читателем. Автор «Юноши» — не кабинетный «умозрительный» писатель, не рыцарь письменного стола, не коллекционер удачных словесных находок из записной книжки, хотя его записная книжка богата находками и наблюдениями, заставляющими вспомнить о Чехове и Ильфе. Кстати сказать, с Чеховым и Ильфом Бориса Левина связывает многое.

Борис Левин — прежде всего человек с большой и типической биографией настоящего большевика, непосредственного участника событий, меняющих лицо мира. Борис Левин участвовал в гражданской войне, в 1918 году вступил в ряды Красной Армии, был дивизионным комиссаром и членом трибунала Петроградского военного округа.

В жизни Борис Левин горячо боролся с непосредственными врагами молодой советской власти. В литературе он посвятил себя борьбе с враждебными собственническими эгоцентрическими пережитками человеческого сознания, унаследованными от старого мира.

Как всякий подлинный современник нашей эпохи, творящий историю своими руками, Борис Левин очень остро чувствовал оттенки времени, знаменательные повороты истории, малейшие изменения человеческого сознания.

В его вещах мы найдем и трудный, для многих болезненный переход от высокой романтики эпохи военного коммунизма к «будням революции» (повесть «Жили два товарища») и характерную для ранней советской прозы тему интеллигенции и революции, изживания старого индивидуалистического сознания, слияния эгоцентрического «я» с общенародным «мы». Очень заострена эта тема в повести «Юноша».

Все творчество Бориса Левина направлено против упрощения образа большевика, который во многих произведениях двадцатых годов давался односторонне, прямолинейно и убого, в виде «энергично фуксирующего» человека в кожаной куртке, ограниченного, сухого, не замечающего ни природы, ни красоты жизни и творчества.

Именно душевное и психологическое богатство внутреннего мира, присущее большевику, стало центральной темой творчества Бориса Левина.

Высокий гуманизм большевика, его душевную молодость, жадность к жизни, любовь к людям и к миру, его окружающему, стремится показать Борис Левин. Все это, быть может, в еще недостаточно-

совершенном исполнении, но в глубоко продуманном авторском замысле относится к антиподу Миши Колче, где его Александру Праскухину — второму главному герою «Юноши».

Но, показывая благородные, светлые черты в образе большевика, Борис Левин никогда не лакирует и не приукрашивает этот образ. Он дает его в живой и противоречивой человеческой сущности. Он не боится трагических ситуаций, грусти утрат, тяжести разочарований.

Герои Бориса Левина не однотипны. Писатель смело проникает в самые застенные и скрытые углы их сознания. Эта прямота и смелость в обрисовке любимых героев характерны для творчества Бориса Левина. У него многому могли бы поучиться писатели, вместо живого, человеческого образа предпочитающие давать схематичные образцы профилактической добродетели. В современной нашей военной литературе творчески плодотворный метод психологической обрисовки героя, типичный для Бориса Левина, в какой-то мере унаследовала Панова в «Спутниках».

У Бориса Левина абсолютный слух на правду, не допускающий ни одной фальшивой ноты. Борис Левин в своем творчестве зло и гневно высмеивает всякую фальшь, лицемерие, приспособленчество, штампованные мысли и выражения. Он неутомим в разоблачении вульгаризаторов, схематизирующих живые лозунги партии. Злой памфлет на вульгаризаторов, якобы, левого «коммунистического» искусства дает он в «Юноше» в образах Синеокова, Бориса и Жени Фитингhoff, паразитов, присосавшихся к чужому творчеству, не любимому и не понятым ими. Так же метко и безжалостно высмеян бездарный и пустой писатель Околоков в «Одной радости».

Это обостренное чувство фальши, вульгаризаторства, штампа роднит Бориса Левина с Ильфом и Петровым. Недаром Левин, так же как Ильф, начинал свою литературную деятельность с работы в юмористических журналах. Но Ильф и Петров в своих замечательных фельетонах создавали изобретательные и уничтожающие пародии на паразитов и вульгаризаторов искусства, а Борис Левин разоблачал их в психологически реальном плане.

Борис Левин не останавливается на разоблачении откровенных приспособленцев и вульгаризаторов. Он идет дальше, раскрывая более тонкие виды творческого жизненного паразитизма. Он разоблачает скептически бесплодное отношение к жизни, трусливо прячущееся за ширмыironических кавычек. Образ насмешливого и умного журналиста Пингвина в «Юноше» с его невеселой и неприкаянной шутливостью, с его унылым коллекционированием всяческих странностей и удачеств, с его неуютным холостым хозяйством, с его абсолютной душевной и

интеллектуальной бесперспективностью очень характерен для творчества Левина.

И, наконец, следующая, еще более глубокая стадия разоблачения — это образ Миши Колче. Мастер проницательной и острой детали, Борис Левин все несогласствие героя с эпохой раскрывает в одной фразе: «Участвуя в демонстрации, он держал рот полуоткрытым, но никогда не пел вместе с другими».

У Миши Колче «я» не может слиться с «мы». Миша безнадежно эгоцентричен, самолюбив и горд. Он страдает мучительной неуверенностью в себе и застенчивостью, неполнотой. В сущности, Миша — честный комсомолец, добросовестно выполняющий все порученные ему задания, неплохой товарищ, смелый и правдивый человек. Но, что бы он ни делал, с кем бы ни общался, он не может отказаться от мыслей о себе, о своей славе, своей правоте, своей исключительности. Он не может заставить себя жить общей жизнью, и потому, что бы он ни говорил, как бы ни работал, — Миша талантливый и свежий художник, — он не может до конца искренно разделить интересы и волнения своих товарищей. Он не возбуждает доверия, он словно отделен от своих сверстников и соратников чертой отчужденности. Он вызывает зависть или жалость, любопытство или раздражение, но не любовь. Даже когда он совершает подлинно героический поступок — отдает жизнь, сражаясь за родину, он совершает это не во имя общей и великой цели, а как эффектный жест под занавес, чтобы вернуть потерянную дружбу любимой им Нины, чтобы быть окруженным ореолом подвига.

Образ Миши Колче так глубок и убедителен потому, что Левин показал не только ненатуральность и книжность его отношения к действительности, но и подлинные его, невыдуманные страдания. Миша неправильно живет и неверно думает, но это далеко не сплошь отрицательный герой, густо покрытый одной черной краской.

Те черты интеллигентской «рефлексии», слабости, эгоцентризма, которые не преодолел в себе Миша, преодолевает Нина. Герои «Юноши» — и Синеоков, и Пингвин, и Миша Колче, и Нина, и Александр Праскухин — все вместе разрешают одну центральную и очень существенную проблему, поставленную автором, — проблему молодости возрастной и социальной.

Социалистическая страна молодая, прежде всего потому, что в основе ее лежит молодое, жизнелюбивое чувство нового и чувство будущего — радость сотворения нового мира человеческих отношений, перспектива претворения мечты в реальную действительность.

Недаром на последних страницах романа Левин с таким пафосом говорит о силе не иллюзорной, а жизнетворящей

мечты. Символично раскрывает он образы Уэллса и Ленина. Уэллс — символ дряхлеющей мудрости западной цивилизации, не способный воспринять будущее. Ленин — символ юной молодости мира, претворяющий в жизнь мечту о грядущем счастье человечества.

Александр Праскухин, сорокалетний дядя Миши Колче, молод потому, что окрылен той же деятельной мечтой, претворенной в действительность. А иронический журналист Пингвин и эгоцентричный Миша Колче душевно стяры потому, что поглощены собой, потому, что не могут слиться с общей и единой жизнью страны, не могут свободно и искренно участвовать в ней.

Эта тема воплощена в повести «Юноша» психологически очень тонко и убедительно. Она не утратила своего значения и в наши дни.

Издание избранных сочинений Бориса Левина можно только приветствовать. Правильно, что центральное место в этой книге занимает самая зрелая повесть Левина «Юноша». Но среди рассказов, кроме очень удачно выбранных «Голубых конвертов» и «Дауда», хотелось бы видеть чрезвычайно характерную для Левина раннюю его повесть «Ревматизм», напрасно не включенную в сборник.

«Избранному» предписано предисловие Анны Караваевой, в котором тепло и выразительно раскрыты глубина и своеобразие человеческого и творческого обаяния Бориса Левина.

Т. Хмельницкая